

16+

АНАСТАСИЯ МУРАВЬЕВА

ЯЩИКИ
И
КРЫШКИ

Анастасия Муравьева

Ящики и крышки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63408048

SelfPub; 2021

Аннотация

Провинциалка, девушка с трудной судьбой, приехала в большой город. Ее предупреждали, что исследовать бесхозные предметы опасно, но она все равно открыла эту странную коробку...

Анастасия Муравьева

Ящики и крышки

I

Я очень везучая. Год назад я приехала сюда, провинциалка в большой город, и устроилась оператором на оптовый склад, печатать накладные. Вот так – некрасивая девушка, с грузной поступью и простым крестьянским лицом, взяла и нашла работу.

В метро я взяла бесплатную газету – и к вечеру уже сняла квартиру, тринадцатиметровую студию в высотном доме на последнем этаже. Из окна в промозглый день видны одни облака. Перегнувшись через подоконник, можно разглядеть пыльный клочок двора, огороженный мусорными баками.

Потолок в квартире настолько низкий, что, входя, мне приходится наклонять голову. Но я редко выпрямляюсь во весь рост, потому что прихожу сюда только спать. Сплю я днем, а ночью работаю.

Оптовый склад похож на муравейник. Я сижу в огромном ангаре, пронизанном ходами и выходами, тайными лазейками и извилистыми коридорами. Надо мной дощатые мостки, по которым ходят рабочие. Первое время я боялась, что они

рухнут мне на голову, но скоро привыкла. Зимой на мне телогрейка и перчатки с обрезанными пальцами. Летом здесь невозможная духота, металлический ангар за день нагревается, а ночью остывает, отдавая накопленный жар. Я маюсь в раскаленной бочке, как царица из сказки, брошенная в морскую пучину. Улучив минуту, я выхожу на свежий воздух и смотрю на пустое небо и чахлую землю – все это видела и она, когда ее с младенцем выбросило на берег.

Днем на складе столпотворение, тархтит погрузчик, подъезжают и отъезжают фуры, сигналият автомобили, со скрежетом открываются ворота, дергается шлагбаум, все носятся как угорелые, но я прихожу ночью, когда здесь темно и пусто, а мой стол завален накладными, которые надо занести в программу.

Обязанности несложные, но к концу смены все равно затекает поясница и сводит пальцы. Впрочем, мне доводилось уставать и больше, когда я работала уборщицей на ткацкой фабрике. Ткачихи шествовали вдоль мерно жужжащих станков, в глазах рябило от веретен, а я шла за ними со шваброй и совком, сгребая с пола сор и обрезки. У меня открылся настоящий дар видеть грязь, и ни один клочок пыли не оставался незамеченным. Грязь гнездилась в потаенных уголках, за ней приходилось наклоняться, извиваясь, вставать на колени, ползти ужом. Каждый час я поднимала тяжелую крышку

мусорного бака, опорожняя в его чрево черные пластиковые мешки.

Вы знаете, каково это – с натугой открывать ржавые крышки, одну за другой, заглядывая в темноту? Вы думаете, темнота ночи романтична, темнота чулана страшна, а темнота мусорного бака омерзительна? Поверьте, это не так. Темнота всегда одинакова. Теперь, когда я работаю по ночам, я знаю это. Я еду на работу последним поездом метро, а возвращаюсь первым. Мне незнакома толкучка, потная спрессованность тел, духота и столпотворение. Хаос наполняет и метро, и работу, и мой дом – но не меня. Метро встречает меня прохладными сводами станций, дом – темными окнами, работа – пустыми коридорами, где гулко отзываются шаги и пахнет хлоркой, будто я забрела в огромный общественный туалет.

Так и проходит моя жизнь – между двумя муравейниками. Главное – успеть перебежать из одного в другой, пока он не наполнился суматохой. Я, ловкий муравьишка-путешественник, сползаю по былинке, пробираюсь тайными переходами и лестницами в свой уголок, где я видна всем, как клочок пыли, который забыли вымести из-под ткацкого станка.

Дара оставаться незамеченной я лишилась давно, еще в родительском доме. По ночам я лежала в своей комнате наверху, карауля, когда загремит калитка и половицы дрогнут под шагами пьяного отчима. От стука калитки до первого пронзительного крика матери проходило несколько минут. Я старалась неслышно спуститься по лестнице, но отчим чуял мое приближение и успевал обернуться, поднимая налитые кровью глаза.

Он садился на табурет, дышал со свистом, багровые жилы вздувались на шее и лбу. Мать пряталась за стенкой, но я заходила на кухню смело, ступала тяжело, поворачивалась всем телом. Я занимала всю кухню, с грохотом расставляла тарелки, даже поварешку швыряла в пустую кастрюлю со звоном.

В тот день отчим стоял у окна, красный от прокуренного спертого воздуха, и пытался открыть форточку. Увидев меня, он побагровел еще больше, зашатался, ухватившись за край стола, но не устоял и рухнул прямо под ноги. Я молча смотрела, как он хватая ртом воздух. Мать подошла, вцепилась мне в руку, как ребенок, мы переглянулись. Мать оказалась слабачкой и стояла на месте как истукан, а мне пришлось опуститься на корточки и зажать широкой ладонью его шевелящиеся губы, хрипящий рот. У меня тяжелая рука, отчим перестал дышать почти сразу, и его желтоватые в

красных прожилках глаза закатились.

Похоронив мужа, мать не осмелела, наоборот, стала еще тише и рассеянее. Вечерами она беззвучно рыдала, вздрагивая всем телом, забывала выключить плиту, пока газ не поднимался к потолку синеватой струйкой, а начав гладить, бездумно водила утюгом по доске, прожигая дыры на одежде.

– Ты его убила, – однажды прошипела она мне в лицо. Тщедушная, морщинистая, замотанная в платок, она стала похожей на ящерицу. Возвращаясь из школы, я часто заставляла ее греющейся на солнцепеке в огороде, но услышав стук калитки, мать вздрагивала и скрывалась в доме.

Моя уверенная поступь, как когда-то шаги пьяного отчима, заставляли ее прятаться, и получив аттестат, я решила уехать. Место выбрала первое попавшееся: в школу приходили из ткацкой фабрики, единственной оставшейся в райцентре, набирая работниц. Заводской автобус забирал новичков ранним утром, я стояла в стороне от стайки девочек, которых провожали мамы. Все пришли налегке, и мой чемодан казался самым тяжелым. Я одна ехала на веки вечные, а не перебиться первое время. Водитель пытался шутить и чуть ли не заигрывать со мной, но эти глупости меня не занимали. Я смотрела вдаль – там, за кромкой чахлого леса,

утлыми гаражами и складами прошлогодней картошки начиналась моя новая жизнь.

III

На заводе меня оформили уборщицей. Он улыбнулся мне, когда я выходила из отдела кадров, и велел предъявить пропуск – охранник, дежуривший у входа. У него были длинные мягкие волосы, волной набегающие на лоб. «Добрый», – подумала я. – «Не полезешь в драку с такими локонами».

Но от моего зоркого взгляда ускользнуло все остальное. А главное, что я проглядела, хоть и смотрела в упор, было обручальное кольцо на его пальце. Я зажмурилась, бросаясь в это приключение, начавшееся на фабричной проходной. Он задержал взгляд на моем пропуске, а я уставилась ему в лицо – и с трудом отвела взгляд.

Была ли я наивна или, быть может, недостаточно внимательна, хотя уборщице полагается обладать острым глазом? Мне ли не знать, что есть ящички, закрыть которые не так легко, как открыть?

Мы сошлись, уборщица и охранник, чем не пара? Любовь вырастает из любого сора, вот и наш роман расцвел на мусорной куче. За день я наметала груды пыли и ниток, гремела металлическим совком, ходя по цехам. Я виляла шваброй как лисьим хвостом, но так и не научилась замечать

следы. А следы вели в чулан, где хранился инвентарь и форменная одежда, которую мы носили – я черный халат, он синюю рубашку с нашивками.

Я садилась на грудь ветоши, поспешно раздеваясь, а оставленная у двери швабра несла караул, как ружье постового. Ткачихи переглядывались и шушукались, завидев меня, охранники подмигивали, спрашивая, сколько стоит номер люкс в моем чулане, и негоже привечать одного, когда вокруг столько желающих.

Любовь отобрала у меня гордость – последнюю защиту, что дается женщине от природы, как когти кошке или иглы ежу. Я ослепла и оглохла, прячась по чуланам и торопливо застегивая халат, чтобы выскользнуть вслед за ним.

Узнав, что беременна, я подошла к нему вечером, в конце смены, сжимая полоску с тестом в кулаке. Он стоял у турникета, раскладывая пропуска. Пока я ждала за углом, ладонь вспотела, полоска смялась и расплылась, и на ней уже ничего нельзя было разобрать. Дневная смена прошла, последние – толстые поварихи с судками в руках – бочком протиснулись через турникет.

– Привет, – он взглянул на меня, оторвавшись от стопки пропусков. – Хорошо, что пришла. Надо поговорить.

Я не почуяла подвоха. Не только зрение и слух мне отка-

зали, нюх тоже подвел.

– Знаешь, – он потер нос. – Я тут подумал... Ты больше не приходи. Потрахались и хватит... Мы... это... как говорится, – он щелкнул пальцами, подбирая слово. – Не подходим друг другу, вот.

Он нашел это слово, радостно выдохнув, а я, наоборот, позабыла все, что хотела сказать, и молчала, комкая полоску в кулаке. Словно догадываясь, что в ладони моей бомба и ее нужно обезвредить, он взял меня за руки, разжав ладони.

– Понимаешь, – мотнув головой, он отбросил челку со лба, начиная драку, в которой ему никто не даст сдачи. – У меня жена через дорогу работает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.